

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора философских наук Корецкой Марины Александровны на диссертацию Дорофеева Якова Станиславовича на тему «Типология и дискурс Власти в философии А. Кожева», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2 – история философии.

Диссертация Якова Станиславовича Дорофеева посвящена анализу типологии и дискурса власти в философии А. Кожева. Бесспорно, А. Кожев является чрезвычайно значимой фигурой именно для истории философии XX века, поскольку его интерпретация диалектики негативности Г.В.Ф. Гегеля оказала прямое или косвенное влияние на весь интеллектуальный ландшафт французской философии, а через нее и на многие актуальные дискуссии современности. Так, тезис о фундаментальном антропологическом характере принципа нехватки невозможно обсуждать, не затронув вклада А. Кожева в эту проблематику. Аналогичным образом и проблематизация взаимосвязи суверенности и насилия не может обойти стороной диалектику господина и раба в ее кожевской интерпретации. Однако этот контекст влияния уже в достаточной степени известен, поэтому автор диссертационной работы предпринимает попытку сосредоточиться на исследовании менее очевидных и более неоднозначных тем творчества А. Кожева. В фокусе внимания диссертации – типология Власти, набросок которой А. Кожев сделал в работе «Понятие власти». Это во многих отношениях парадоксальный текст, который заслуживает целенаправленных исследовательских усилий. Прежде всего, мера его влияния на интеллектуальную традицию далеко не очевидна и эту меру действительно важно определить. Можно предположить, что онтологическая квадрама Кожева уступила конкурирующим концепциям: децизионизму К. Шмитта, типологии легитимности М. Вебера, а затем и Фукольдиданскому подходу к исследованию власти. Если это действительно так, все ли объясняется тем, что манускрипт «Понятия Власти» был просто поздно опубликован? Или текст остался мало востребованным потому, что проблематична релевантность цели/подхода/метода, представленного в нем? Можно ли говорить о том, что феноменологическая онтология власти как проект проиграла антропологии, теологии, социологии власти и генеалогии властных институтов? Насколько можно понять позицию Якова Станиславовича, он как исследователь исходит из предположений другого характера, настаивая на том, что онтология власти необходима, она соответствует логике онтологического поворота, который не утратил своей актуальности, квадрама Кожева, разворачивающаяся из антропологической связи Власти и Желания, представляет собой концепцию, несводимую к гегельянству, имеющую самостоятельный эвристический потенциал и оказавшую влияние по крайней мере на типологию дискурсов Жака Лакана. Можно констатировать, что замысел исследования актуален, ему присуща определенная нетривиальность и новизна. Кроме того, не возникает сомнений

и касательно соответствия исследования паспорту научной специальности «история философии».

Заявленная цель исследования раскрывается в логике поставленных задач, которые, в свою очередь, находят отражение в структуре текста и коррелируют с положениями, выносимыми на защиту. В целом это позволяет сделать вывод о наличии продуманного исследовательского замысла, хотя к обоснованности и целесообразности третьей исследовательской задачи и соответствующей ей второй главы возникают вопросы, к которым мы вернемся в рамках замечаний и критики. Здесь же отметим, что структура текста разработана в соответствии с исследовательскими гипотезами, а это в свою очередь, позволяет утверждать, что автор диссертационной работы владеет исследовательскими компетенциями. В качестве методологических оснований исследования автор заявляет комплекс методологических приемов, релевантных историко-философским штудиям (компаративистский и дескриптивный метод, а также каузальный анализ) и действительно работающих в исследовании в качестве инструментов. К методологическим основаниям работы в фундаментально-философском смысле надо отнести и то, что автор, очевидно, разделяет принципы онтологического поворота и при этом тяготеет к психоаналитической традиции, что, конечно, желательно было бы эксплицитно обозначить и пояснить в соответствующем разделе Введения.

Первая глава диссертации посвящена аналитическому описанию концепции Власти А. Кожева. Учитывая, что Кожев не склонен был доводить свои тексты до завершенности и не тяготел к системотворчеству в принципе, Яков Станиславович фактически предлагает вниманию читателя собственную реконструкцию смыслового единства кожевской трактовки феномена Власти, не сосредотачиваясь на фиксации противоречий. Автор убедительно показывает, что фундаментом любых концептуальных построений Кожева является диалектика негативности, получившая в его трактовке драматически насыщенное экзистенциально-антропологическое звучание. По этой причине онтология Власти у Кожева не перестает быть антропологией, причем антропологией персоналистской. Первичное и сущностное отношение Власти описывается не только в терминах Признания, но и в терминах Желания, что превращает Кожева из последователя Гегеля в мыслителя, открывшего дорогу психоанализу Лакана. Одна из существенных проблем, которая возникла перед Яковом Станиславовичем в первой главе, заключалась в том, чтобы прояснить, как именно Кожев видел связь Власти и насилия. В гегельянском цикле работ негативная диалектика раскрывается через человеческую способность презрения к смерти, готовность отрицать налично-данное не только в труде, но и (и даже по преимуществу) в смертельной схватке за престиж. Власть начинается, таким образом, с готовности человека не просто рисковать собственной жизнью, но и отнимать жизнь у другого, то есть с насилия. В «Понятии Власти» звучит уже иной тезис: Власть остается Властью тогда, когда к прямому насилию не прибегает, и здесь на первый план выходит свобода иного типа, а именно добровольное признание Авторитета Другого,

насилие же объявляется досадной неизбежностью не на уровне *auctoritas*, а на уровне *potestas*. Это вторичный уровень управленческих решений, стало быть насилие не сущностно, а акцидентально и с ним приходится мириться в том числе и тогда, когда речь идет о реальных диктатурах. Как представляется, это противоречие остается у самого А. Кожева не снятым, но оно может быть несколько нивелировано в зависимости от того, какой текст при реконструкции его философии выбирается в качестве опорного. Поскольку Я.С. Дорофеев выбирает в качестве такового «Понятие Власти» (ведь предметом исследования является предложенная в этом трактате типология), он и отталкивается от понятия Авторитета как от базового. Далее в главе дается описание 4-х чистых типов властных авторитетов (Отец, Господин, Вождь и Судья) и даже делается попытка обосновать пятый тип (Капитал), который у самого Кожева отсутствует. В первой главе автор показывает глубокое понимание текстов Кожева, интерпретация дается через соотнесение с более широким философским контекстом. Есть отсылки к М. Хайдеггеру, Э. Гуссерлю, К. Шмитту, чье влияние на Кожева следует учитывать. Проводится сравнение трактовки понятия авторитета у Кожева и Х. Арндт, затрагивается важная для темы исследования оценка революции 68 года у А. Кожева и Р. Арона, уделяется внимание попытке Ж. Делеза и Ф. Гваттари преодолеть иницированную Кожевом традицию трактовать желание в терминах негативности и нехватки. Представляется особенно интересным последний параграф главы, где речь идет об «ампутации Власти Отца» в современном обществе потребления, вытесняющем смерть и говорится о появлении новой фигуры авторитета – безличного Капитала. По мысли автора диссертации здесь Ж. Лакан и Ж. Бодрийяр помогают развить логику Кожева дальше, чем это сделал он сам.

Если в первой главе автор диссертационного исследования соблюдает все конвенции историко-философского жанра и удерживает баланс оригинальности и аргументированности, то замысел второй главы и его исполнение выглядят менее убедительно. Задача второй главы обозначена как верификация предложенной Кожевом квадремы властных типов на материале текстов консервативных критиков Французской революции. По-видимому, сама задача верификации связана с упреками в спекулятивности, которые могут быть адресованы онтологии власти и тем самым могут ее обесценить в эпоху, когда гуманитарное знание стремится к эмпирической наполненности. Об этом автор диссертации пишет во Введении, настаивая на непреходящей ценности онтологического подхода. Однако если онтологию понимать в хайдеггерианском ключе, верификация скорее бесполезна, так как невозможно с помощью описаний онтического уровня ни подтвердить, ни опровергнуть истинность структур уровня онтологического. При этом связь с опытом, понятом в экзистенциальном ключе, должен обеспечить феноменологический метод. Скорее вторая глава диссертации позволяет оценить эвристический потенциал квадремы власти как инструмента анализа политических взглядов каких-либо авторов. Выбранные для анализа тексты

никак генеалогически с концепцией Кожева не связаны. Заявленный принцип отбора – консервативная реакция на единое событие, а именно Французскую революцию – не вполне обоснован и не очевиден в рамках самой логики исследования. Интерпретация строится по некоторой схеме: дается биографический комментарий, затем достаточно подробно описываются тексты выбранного автора, имеющие отношение к критике революции с консервативных позиций, и далее показывается, что отстаиваемая конкретным автором модель монархической власти вписывается в одну из ячеек предложенной Кожевом типологии Авторитетов. Работа, проведенная во второй главе, позволяет автору диссертационного исследования прийти в качестве вывода к следующему положению, выносимому на защиту: «В историческом теле проявляются экспоненты, репрезентирующие различные кожевские типы Власти, рождённые в реакции на Великую французскую революцию, что позволяет в нашем случае выстроить ряд парных коррелятов: Жозеф де Местр – Власть Отца; Фридрих Шиллер – Власть Господина; Франсуа-Рене де Шатобриан – Власть Вождя; Эдмунд Бёрк – Власть Судьи» (с.16).

Третья глава посвящена выявлению генеалогических связей между теорией типов власти Кожева и типологией дискурсов Лакана. Здесь автором сначала задается почва для сравнения, а именно показывается прямое влияние философии Кожева и, в частности, его редакции негативной диалектики на концепцию желания Лакана. Это влияние уже достаточно изучено и здесь автор исследования не претендует на историко-философскую новизну. Новизна заключается в демонстрации парных корреляций. Автор предпринимает попытку показать, что дискурс Господина у Лакана соответствует фигуре Господина у Кожева (что более-менее очевидно). Дискурс Университета – фигуре Вождя (это соответствие скорее контринтуитивно, но поскольку сам Кожев в качестве аналога Вождя предлагает в рамках этого типа авторитетной власти рассматривать также и Учителя, аргументация не лишена некоторых оснований, хотя на наш взгляд, существенно упрощает картину). Дискурс Истерики Яков Станиславович предлагает соотносить с фигурой Отца, что представляется наименее убедительным, поскольку истерик у Лакана – это, прежде всего, расщепленный субъект, утративший (или не сформировавший) собственную идентичность, в то время как фигура Отца и авторитет отцовской власти, базирующийся на незыблемости священного прошлого, напротив, никакой расколотости субъекта не предполагает. И, наконец, дискурс Аналитика в типологии Лакана соотносится с властным авторитетом Судьи в типологии Кожева. Поскольку речь идет о влиянии одной концепции на другую, перед автором диссертационного исследования не стоит задача показать полное тождество рассматриваемых типологий: генеалогическая связь предполагает смысловые смещения. Эти смысловые смещения как раз желательно было бы тщательно описать и объяснить их логику, что Яков Станиславович, на наш

взгляд, делает не всегда. Тем не менее замысел третьей главы можно считать вполне реализованным.

В целом работа демонстрирует, что ее автор хорошо знаком с источниками и комментаторской литературой, понимает и умеет анализировать исторический контекст, находится в курсе актуальных дискуссий, имеющих отношение к выбранной проблематике, владеет навыками интерпретации источников. У автора есть концепция и стратегия аргументации этой концепции, что далеко не всегда удается обнаружить не только в диссертациях кандидатского, но даже и докторского уровня. Не все выводы бесспорны, но им присуща новизна. Это дает нам основания считать исследование состоявшимся.

Тем не менее есть основания и для критики. Прежде всего, при наличии общего замысла и стратегии работа не выглядит сбалансированной. Диссертация представляет собой чрезвычайно большой текст (286 страниц при обычном объеме квалификационных работ кандидатского уровня 150-200 страниц), при этом вторая глава, которая не связана с философией Кожева непосредственно, занимает практически половину объема основной части. Целесообразность такой диспропорции вызывает сомнения, так как вторая глава решает только одну из поставленных задач, и ее результаты выражаются в одном положении, выносимом на защиту. При прочтении второй главы далеко не всегда понятно, каким образом рассматриваемые нюансы имеют отношение к проблеме исследования в целом.

Второе замечание касается техники интерпретации источников, которую использует Яков Станиславович и это замечание имеет дискуссионный характер. Вторая и отчасти третья глава заставляют вспомнить эссе Сьюзен Зонтаг «Против интерпретации», в той его части, где она критикует марксизм и фрейдизм как развитые герменевтические системы агрессивной интерпретации, которая состоит в том, что «выхватываются определенные элементы (X, Y, Z и т. д.) и интерпретатор говорит: смотрите, разве не понятно, что X – это на самом деле A (или обозначает A)? Что Y на самом деле – B? Z – C?» (С. Зонтаг «Против интерпретации и другие эссе», издательство Ad Marginem, 2014.). В диссертационном исследовании Якова Станиславовича мы видим, как представляется, именно такой тип интерпретации, базирующийся на выявлении структурных и смысловых аналогий в текстах различных авторов. Конечно, сама по себе негативная оценка Зонтаг, адресованная ею определенным герменевтическим процедурам, вовсе не является истиной в последней инстанции, но она позволяет задать вопрос о смысле и ценности различных процедур работы с источником. В аналогии как способе умозаключения много произвольности и не так много, как хотелось бы, доказательной силы. Эффектом такого интерпретативного волюнтаризма в тексте диссертации оказывается, например, размещение Фридриха Шиллера в кругу монархистов-контрреволюционеров или безапелляционное отождествление дискурса Университета с Авторитетом Вождя, совершенно игнорирующее сложную и

многоплановую дискуссию о социальной функции университетских интеллектуалов. Достаточно рискованным, хоть и интересным представляется внесение пятого элемента в квадрему Кожева, а именно Власти Капитала. Возможно, эта произвольность компенсируется преимуществами, например, значимыми эвристическими перспективами, которые открывает проведенная интерпретативная работа. В этом смысле хотелось бы получить комментарий касательно того, как автор диссертационного исследования видит эти перспективы. С какими теоретическими или, может быть, практическими проблемами нам позволяет работать реконструируемая квадрема Кожева/Лакана? Где она применима в качестве интеллектуального инструмента, что она позволяет нам понять? Наконец, это инструмент историко-философского анализа или анализа политического?

Несмотря на приведенные замечания, возражения и вопросы в целом автор продемонстрировал сформированные навыки научного исследования и концептуального творчества. Текст диссертации реализует поставленные цели и задачи. Содержание автореферата и текстов публикаций полностью соответствуют теме и содержанию текста диссертации.

На основании изложенного выше можно считать, что диссертационное исследование Дорощеева Якова Станиславовича, выполненное на тему «Типология и дискурс Власти в философии А. Кожева», представляет собой самостоятельно выполненную научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным «Положением о присуждении ученых степеней», утвержденным постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор заслуживает присуждения степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2 – история философии.

Я, Корецкая Марина Александровна, даю согласие на включение своих персональных данных в документы, связанные с работой диссертационного совета, и их дальнейшую обработку.

Доктор философских наук
09.00.11 – социальная философия,
доцент по кафедре философии,
заведующая кафедрой философии
и биоэтики ФГБОУ ВО
СамГМУ Минздрава России

 Корецкая Марина Александровна

14.11.2025

Адрес организации: 443079, Россия, Приволжский федеральный округ,
Самарская область, г. Самара, ул. Тухачевского, 226
Тел.: 89276098258
e-mail: listarh@list.ru

